

1001 ночь.

Рассказ об Аджибе и Гарибе

[Рассказ об Аджибе и Гарибе, ночи 624-630](#)

[Рассказ об Аджибе и Гарибе, ночи 631-637](#)

[Рассказ об Аджибе и Гарибе, ночи 638-644](#)

[Рассказ об Аджибе и Гарибе, ночи 645-651](#)

[Рассказ об Аджибе и Гарибе, ночи 652-658](#)

[Рассказ об Аджибе и Гарибе, ночи 659-665](#)

[Рассказ об Аджибе и Гарибе, ночи 666-672](#)

[Рассказ об Аджибе и Гарибе, ночи 673-680](#)

Шестьсот сорок пятая ночь

Когда же настала шестьсот сорок пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда между аль-Джамраканом и Джевамердом произошел бой, аль-Джамракан убил его и перебил его людей и взял в плен множество народа, и он захватил их имущество, коней и грузы и отослал их с тысячей всадников в Куфу. Что же касается адь-Джамракана и воинов ислама, то они сошли с коней и предложили ислам пленникам, и те предались Аллаху сердцем и языком, и воины аль-Джамракана освободили их от уз и обнялись с ними, обрадованные. И аль-Джамракан пошел во главе большого войска и дал своим людям отдохнуть один день и одну ночь, а потом он двинулся с ними под утро, направляясь в земли аль-Джаланда ибн Каркара. А тысяча всадников с добычей шли до тех пор, пока не прибыли в Куфу, и они осведомили царя Гариба о том, что случилось, и Гариб обрадовался и возвеселился и, обратившись к горному гулю, сказал: "Садись на коня, возьми с собой двадцать тысяч человек и иди следом за аль-Джамраканом".

И Садан-гуль со своими сыновьями сели на коней во главе двадцати тысяч всадников и направились в город Оман. А беглецы из нечестивых достигли этого города, плача и крича о горе и несчастий, и аль-Джаланд ибн Каркар оторопел и спросил их: "Что у вас за беда?" И они рассказали ему о том, что с ними произошло, и аль-Джаланд воскликнул: "Горе вам, а сколько их было?" – "О царь, – отвечали воины, – у них было двадцать знамен, а под каждым знаменем была тысяча всадников".

И аль-Джаланд, услышав эти слова, воскликнул: "Да не бросит солнце на вас благословения! О горе вам! Разве одолеют вас двадцать тысяч, когда вас семьдесят тысяч всадников, а Джевамерд стоит, в пыли битвы, трех тысяч!" И от сильного огорчения он вытащил меч и закричал на беглецов и крикнул тем, кто был при этом: "На них!" И его люди обнажили мечи и уничтожили беглецов до последнего и бросили собакам. А потом, после этого, аль-Джаланд кликнул своего сына и сказал ему: "Садись на коня с сотней тысяч всадников, отправляйся в Ирак и разрушь его до основания!"

А сына царя аль-Джеланда звали аль-Кураджан, и не было в войске его отца никого доблестнее: он один напал на три тысячи всадников. И аль-Кураджан велел вынести свои палатки, и поспешили его богатыри, и вышли мужи и стали приготовляться, и надели доспехи и выехали, следуя друг за другом. А аль-Кураджан ехал впереди войска" и был он доволен собой и говорил такие стихи:

"Вот я – Кураджан, моя слава гремит,

В степи, в городах я людей покорял,

И сколько бойцов, когда я их губил,

Хрипя, как коровы, валялись в пыли.

И сколько рассеял я вражеских войск,

И головы, точно шары, я катал.

Свершу непременно набег на Ирак

И недругов кровь, точно дождь, я пролью"

Гариба возьму с его войском я в плен,

И будут примером для умных они",

И его люди шли двенадцать дней, и когда они вдруг увидели пыль, которая поднялась и закрыла края неба и страны, аль-Кураджан кликнул скороходов и сказал им: "Принесите мне сведения об этой пыли!" И скороходы шли, пока не вошли под знамена, а потом они вернулись к аль-Кураджану и сказали: "О царь, это пыль мусульман!"

И аль-Кураджан обрадовался и спросил: "А вы их сосчитали?" И скороходы ответили: "Мы насчитали их знамен – двадцать". И аль-Кураджан воскликнул: "Клянусь моей верой, я не выпущу против них никого, но выйду к ним сам и брошу их головы под копыта коней!"

А эта пыль была пылью аль-Джамракана, и он посмотрел на войско нечестивых и увидел, что оно подобно переполненному морю. И он велел своим людям спешиться и ставить палатки, и они спешили и выставили знамена, поминая владыку всеведущего, творца света и мрака, господя всякой вещи, который видит, но невидим, и находится он в вышнем обиталище, – величие и слава ему, нет бога, кроме него!

А неверные спешили и поставили палатки, и аль-Кураджан сказал им: "Делайте приготовления и берите доспехи и спите не иначе, как с оружием. А когда наступит последняя треть ночи, садитесь на коней и топчите эту маленькую горсточку".

А лазутчик аль-Джамракана стоял и слышал, что придумали неверные, и он вернулся и рассказал об этом аль-Джамракану, и тот обратился к своим храбрецам и сказал им: "Возьмите оружие и, когда придет ночь, приведите мне мулов и верблюдов и принесите колокольчики, бубенцы и трещотки, и повесьте их на шею верблюдам и мулам (а в войске было больше двадцати тысяч верблюдов и мулов)". И мусульмане подождали, пока нечестивые погрузились в сон, а потом аль-Джамракан велел своим людям садиться на коней, и они сели, положившись на Аллаха и ища поддержки у господя миров, и аль-Джамракан сказал им: "Гоните верблюдов и вьючных животных к неверным и колите их зубцами копий".

И мусульмане сделали то, что он приказал, со всеми мулами и верблюдами, и те ринулись на палатки неверных, и колокольчики, бубенчики и трещотки гремели, а мусульмане мчались за животными, крича: "Аллах велик!"

И звенели горы и холмы, поминая возвышенного владыку, которому присущи величие и слава. И ринулись кони, услышав эту великую

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

хитрость, и стали топтать шатры, когда люди спали..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот сором шестая ночь

Когда же настала шестьсот сорок шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда аль-Джамракан ринулся ночью на неверных со своими людьми, конями и верблюдами, а люди спали, многобожники поднялись, ошеломленные, и, схватив оружие, стали бросаться друг на друга и дралась, пока большинство из них не было перебито. И они посмотрели друг на друга и не нашли ни одного убитого из мусульман, а наоборот, оказалось, что те на конях и вооружены. И поняли многобожники, что это хитрость, учиненная против них, и аль-Кураджан закричал на уцелевших воинов и сказал им: "О сыны развратниц, то, что мы хотели сделать с ними, они сделали с нами, и их хитрость одолела нашу хитрость!"

И он хотел понестись на мусульман, но вдруг взвилась пыль, застилая края неба, и ее подгоняли ветры, и она поднялась и раскинулась шатром и повисла в воздухе, и стало видно из-за пыли сверканье шлемов и блистание кольчуг, и под ними были все славные богатыри, опоясанные индийскими мечами и с гибкими копьями. И когда неверные увидели эту пыль, они отступили от сражения, и каждый отряд послал скорохода, и скороходы побежали под пылью и, посмотрев, вернулись и рассказали, что это – мусульмане. А подходившее войско было то, которое послал Гариб с горным гулем, и впереди него ехал Садан. Он подъехал к лагерю мусульман-благих, и тогда аль-Джамракан и его люди понеслись, и они ринулись на неверных, подобные горящим головням, и начали работать среди них острыми мечами и трепещущими рудейвийскими копьями [537], и почернел день, и ослепли взоры от множества пыли. И стоек был храбрец нападающий, и бежал трус убегающий, направляясь в степи и пустыни, и была кровь на земле, подобна потоку, и воины продолжали биться и сражаться, пока не кончился день и не пришла ночь с ее мраком. А затем мусульмане отделились от неверных и расположились в палатках и поели кушанья. И они проспали до тех пор, пока не повернулась, уходя, ночь и не пришел с улыбкою день, и тогда мусульмане совершили утреннюю молитву и выехали на бой. А когда люди аль-Кураджана прекратили бой и оказалось, что большинство их ранено и две трети из них уничтожены мечами и зубцами копий, аль-Кураджан сказал им: "О люди, завтра мы выедем на середину поля, к месту боя и сражения, и я схвачусь с доблестными на кругу".

И когда наступило утро и засияло светом и заблестало, оба войска сели на коней, и воины подняли громкие крики, обнажили оружие, протянули серые копыя и выстроились для боя и сечи. И первым, кто открыл ворота боя, был аль-Кураджан, сын аль-Джаланда ибн Каркара. И он крикнул: "Пусть не подходит ко мне сегодня ленивый или слабый!" (При всем этом аль-Джамракан и Садан-гуль были под знаменами.) И выехал предводитель племени Бену-Амир, и выступил против аль-Кураджана на середину поля, и они бросились друг на друга, как два барана, и бодались некоторое время. А потом аль-Кураджан ринулся на предводителя и схватил его за рукав одеяния и потянул и сорвал с седла. И он ударил предводителя об землю, и тот занялся самим собою, и неверные скрутили его и унесли в палатки.

А аль-Кураджан стал гарцевать и бросаться и искать стычки, и выступил к нему второй предводитель, и он взял его в плен. И аль-Кураджан брал в плен предводителя за предводителем, пока не забрал до полудня семь предводителей. И тогда аль-Джамракан закричал криком, от которого загудело все поле, и услышали его оба войска и ринулись на аль-Кураджана с сердцем, охваченным волнением, произнося такие стихи:

"Вот я, Джамракан, и силен я душой,

Всем витязям страшно со мною сразиться,

Я крепости рушил и их оставлял

В рыданиях и плаче о людях погибших,

О ты, Кураджан, следуй правым путем,

И путь заблужденья оставь ты навеки.

Единым ты бога признай, что вознес

Ввысь небо и создал моря он и горы,

Предастся Аллаху коль раб, то найдет

Приют он в раю и мук пытки избегнет".

И когда аль-Кураджан услышал слова аль-Джамракана, он стал храпеть и хрипеть и бранить солнце и луну и понесся на аль-Джамракана, говоря такие стихи:

"Вот я, Кураджан, я – храбрец всех времен,

И лев из пустынь устрaшен моей тенью.

И крепости брал я, и львов я ловил,

Всем витязям страшно со мною сразиться,

О ты, Джамракан, коль не веришь словам,

То вот пред тобою со мной поединок!"

И когда аль-Джамракан услышал его слова, он понесся на него, сильный сердцем, и они так бились мечами, что зашумели ряды воинов, и разили друг друга копьями, и усилились их крики, и они бились и сражались, пока не прошло предзакатное время и день не стал уходить. И тогда аль-Джамракан ринулся на аль-Кураджана и, ударив его дубиной в грудь, бросил его на землю, точно ствол пальмы, и мусульмане связали его и потащили на веревке, как верблюда. И когда нечестивые увидели своего господина в плену, их взяла ярость людей неведения [538], и они понеслись на мусульман, желая выручить своего господина, и встретили их богатыри мусульман и оставили их валяться на земле, а уцелевшие бросились бежать, ища спасения, и был у них на затылке звенящий меч.

И мусульмане гнались за ними, пока не рассеяли по горам и степям. И затем они принялись за добычу, а было ее много – и кони, и палатки, и другое, – и захватили они добычу, и какую добычу!

И потом мусульмане двинулись дальше, и аль-Джамракан предложил аль-Кураджану ислам и стал грозить и пугать его, но тот не принял ислама, и ему перерезали шею и подняли его голову на копье.

И затем мусульмане тронулись, направляясь в город Оман. Что же касается неверных, то они рассказали царю об убиении его сына и гибели войска. И когда аль-Джаланд услышал эту весть, он ударил венцом об землю и стал так бить себя по лицу, что из ноздрей у него показалась кровь, и упал на землю, покрытый беспомощностью. И ему побрызгали на лицо розовой водой, и он очнулся и кликнул своего везира и сказал ему: "Пиши письма всем наместникам и вели им не оставить никого из бьющих мечом, разящих копьем и носящих лук.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Пусть всех приведут сюда!"

И везирь написал письма и послал их со скороходами, и наместники снарядились и выступили со влачащимся войском, числом в сто тысяч и восемьдесят тысяч. И они приготовили шатры, верблюдов и чистокровных коней и хотели трогаться, и вдруг видят – приближаются альДжамракан и Садан–гуль во главе семидесяти тысяч всадников, подобных хмурым львам, и каждый из них закован в железо.

И когда аль–Джаланд увидел, что мусульмане приближаются, он обрадовался и воскликнул: "Клянусь солнцем, обладателем сияний, я не оставлю врагам ни единого человека и никого, чтобы доставлять вести, и разрушу Ирак и отомщу за моего сына, витязя, набеги совершающего, и не остынет во мне огонь!" Затем он обратился к Аджибу и сказал ему: "О иракская собака, вот товар, который ты к нам ввез! Клянусь тем, кому я поклоняюсь, если я не воздам должное моему врагу, я убью тебя наихудшим убиением".

И, услышав эти слова, Аджиб огорчился великим огорчением и стал упрекать себя. И он выждал, пока мусульмане спешили и поставили палатки и ночь стала темной (а он стоял вдали от палаток с теми, кто остался из его дружины), и сказал: "О сыны моего дяди, знайте, что, когда пришли мусульмане, мы с аль–Джаландом испугались до крайности, и я понял, что он не может меня защитить от моего брата или от кого другого. И мое мнение – нам следует уйти, когда заснут глаза, и мы направимся к царю Ярубубу ибн Кахтану [539], так как у него больше войска и его власть сильнее".

И когда его люди услышали эти слова, они сказали: "Вот оно, правильное мнение!" И Аджиб приказал им зажечь огонь у входа в палатки и выступить во мраке ночи.

И они сделали так, как он приказал, и поехали, и не наступило еще утро, как они уже пересекли далекие страны. А наутро аль–Джаланд и двести шестьдесят тысяч одетых в панцири и погрузившихся в железо и нанизанные кольчуги забили в литавры войны и выстроились для боя и сражения, а аль–Джамракан с Саданом сели на коней во главе сорока тысяч всадников, могучих богатырей, и под каждым знаменем была тысяча сильных, превосходных витязей, передовых при нападении. И выстроились оба войска, ища сражения и боя, и обнажили мечи, и выставили зубцы гибких копий, чтобы выпить чашу гибели. И первым, кто открыл врата войны, был Садан, подобный твердокаменной горе или одному из маридов–джиннов. И выступил к нему богатырь из нечестивых, и он убил его и бросил на поле и крикнул своим сыновьям и слугам: "Разожгите огонь и изжарьте этого убитого!" И они сделали так, как он приказал, и подали убитого жареным, и Садан съел его и обглодал его кости, а нечестивые стояли и смотрели на него издали. И они воскликнули: "О солнце, обладатель сияний!" И испугались боя с Саданом, и альДжаланд крикнул своим людям: "Убейте эту гадину!" И выехал к Садану предводитель из нечестивых, и Садан убил его, и он убивал витязя за витязем, пока не убил тридцать витязей. И тогда отступились злые нечестивцы от боя с Саданом и сказали: "Кто сражается с джиннами и гулями!" И аль–Джаланд закричал: "Пусть нападут на него сто витязей и доставят его ко мне пленным или убитым".

И выступили сто витязей и понеслись на Садана и направили на него мечи и копыя, и он встретил их с сердцем крепче кремня, провозглашая единственность владыки судящего, которого не отвлечет одно дело от другого. И он закричал: "Аллах велик!" И ударял их мечом, пока не поскидывал с них головы, и не обернулся он на них больше одного раза, после того как убил из них семьдесят четыре витязя, а остальные бежали.

И аль–Джаланд закричал на десятерых предводителей, под каждым из которых была тысяча богатырей, и сказал им: "Закидайте его коня стрелами, чтобы он упал под него, и схватите его руками!" И на Садана бросились десять тысяч всадников, и он встретил их, сильный сердцем. И когда аль–Джамракан и мусульмане увидели, что неверные понеслись на Садана, они воскликнули: "Аллах велик!" И понеслись на них. И не успели они еще достигнуть Садана, как его коня убили, а самого взяли в плен, и мусульмане нападали на неверных, пока не померк день и не ослепли глаза, и звенел острый меч, и твердо стоял каждый нападающий витязь, и охватила труса растерянность. И были мусульмане среди нечестивых, как белое пятно на черном быке..."

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот сорок седьмая ночь

Когда же настала шестьсот со" рок седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что усилился бой между мусульманами и нечестивыми, так что стали мусульмане среди нечестивых, как белое пятно на черном быке, и они не прекращали боя и схватки, пока не приблизился мрак, и тогда они отделились друг от друга, и было убито из нечестивых много людей, которым нет числа. И аль–Джамракан и его люди вернулись, крайне опечаленные о Садане, и не были им приятны ни еда, ни сон. И они проверили своих людей, и оказалось, что убито из них меньше тысячи, и аль–Джамракан сказал: "О люди, я выйду на середину поля, к месту боя и сражения, и убью их богатырей, и захвачу их женщин, и возьму их в плен, и выкуплю ими Садана по изволению судящего владыки, которого не отвлечет одно дело от другого". И успокоились сердца мусульман, и они обрадовались и разошлись по палаткам. Что же касается аль–Джаланда, то он поднялся и вошел к себе в шатер и сел на престол своего царства, и его люди окружили его, и тогда он позвал Садана, и его привели к нему, и аль–Джаланд воскликнул: "О бешеный пес и ничтожнейший из арабов, о носящий дрова [540], кто убил мое дитя аль–Курадждана, храбреца своего времени, убийцу соперников, повергающего богатырей?" – "Его убил аль–Джамракан, предводитель войска царя Гариба, господина витязей, и я изжарил его а съел, так как я был голоден", – ответил Садан. И когда аль–Джаланд услышал слова Садана, глаза его закатились под темя, и он велел отрубить Садану голову. И палач пришел с этим намерением и подошел к Садану, и тогда Садан потянулся в оковах и разорвал их и, бросившись на палача, выхватил у него меч, ударил его и скинул ему голову.

И он направился к аль–Джаланду, и тот бросился с престола и убежал. И тогда Садан напал на присутствующих и убил двадцать приближенных царя, а остальные предводители убежали. И поднялись крики в лагере неверных, а Садан ринулся на бывших там нечестивых и стал бить их направо и налево, и они разбежались перед ним и освободили ему проход, и Садан шел, избивая врагов мечом, пока не вышел из их лагеря, направляясь в лагерь мусульман. И мусульмане услышали шум нечестивых и сказали: "Может быть, к ним пришло подкрепление?" И пока они недоумевали, вдруг подошел к ним Садан. Они сильно обрадовались его приходу, и больше всех радовался ему альДжамракан, и он поздоровался с Саданом, и мусульмане тоже поздоровались с ним и поздравили его с благополучием.

Вот что было с мусульманами.

Что же касается нечестивых, то они возвратились со своим царем в его шатер после ухода Садана. И царь сказал: "О люди, клянусь солнцем, обладателем сияний, клянусь мраком ночи и светом дня и бегучими звездами, я не думал, что спасусь в сей день от убиения! Если бы я попал к нему в руки, он наверное съел бы меня, и я не стоил бы для него ячменя, или пшеницы, или злака из других злаков". – "О царь, – ответили ему, – мы не видели никого, кто бы делал то же, что этот гуль". – "О люди, – воскликнул царь, – когда наступит завтрашний день, наденьте снаряжение, сядьте на коней и растопчите их конскими копытами!"

Что же касается мусульман, то они собрались, радуясь поддержке Аллаха и освобождению Садана–гуля, и альДжамракан воскликнул: "Завтра на поле я покажу вам, каковы мои дела и что мне подобает. Клянусь другом Аллаха Ибрахимом, я убью их гнуснейшим убиением и буду ударять их острым мечом, пока не смутится среди них всякий понятливый. Я намерен напасть на правое и левое крыло. И когда вы увидите, что я ринулся на царя, который под знаменами, несется за мною решительно, чтобы свершил Аллах дело, которое решено".

И оба войска провели ночь, сторожа друг друга, а когда взшел день и явилось смотрящим солнце, воины сели на коней быстрее, чем во мгновение ока, и закричал ворон разлуки, и посмотрели люди друг на друга. И воины выстроились для боя и сражения, и первым открыл врата боя аль–Джамракан и стал гарцевать и нападать, ища стычки.

И аль–Джаланд со своими людьми хотел понестись на врагов, но вдруг поднялась пыль, застилая края неба и омрачая день, и ударили ее четыре ветра, и она разорвалась и разлетелась, и показались из–под нее витязи, закованные в кольчуги, храбрые богатыри, режущие мечи, разящие копыя и люди, точно львы, что ничего не страшатся и не боятся. И когда оба войска увидели эту пыль, они воздержались от боя и послали разузнать, в чем дело и откуда зги пришельцы, вздымающие такую пыль. И помчались скороходы и вошли под пыль и скрылись от

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

взоров, а затем, через некоторое время, они вернулись, и скороход нечестивых рассказал им, что прибывшие отряд мусульман с царем их – Гарибом. Скороход мусульман вернулся и рассказал о прибытии царя Гариба и его людей. И мусульмане обрадовались его прибытию и, погнав коней, встретили своего царя, а потом они спешили и поцеловали землю меж его рук и пожелали ему мира..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот сорок восьмая ночь

Когда же настала шестьсот сорок восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что воины мусульман, когда явился к ним царь Гариб, обрадовались сильной радостью, поцеловали землю меж его рук и стали здороваться с ним, окружая его, и Гариб сказал им: "Добро пожаловать!" И обрадовался их благополучию. И они достигли лагеря и поставили шатры и знамена, и царь Гариб сел на престол своей власти, окруженный вельможами царства, и они рассказали ему обо всем, что случилось с Саданом.

Что же касается нечестивых, то они собрались и стали искать Аджиба, но не нашли его ни между собой, ни в палатках. И они рассказали аль-Джаланду ибн Каркару о его бегстве, и поднялось на царя воскресение, и он укусил себе палец и воскликнул: "Клянусь солнцем, обладателем сияний, это вероломный пес! Он убежал со своими скверными людьми в пустыни и степи. Но ничто уже не отразит этих врагов, кроме жестокого боя; укрепите же вашу решимость, ободрите сердца и остерегайтесь мусульман!"

Что же касается Гариба, то он сказал людям: "Укрепите решимость, ободрите сердца и призывайте на помощь господу, прося его помочь вам против врагов". – "О царь, – отвечали воины, – ты увидишь, что мы сделаем на поле битвы, в месте боя и сражения!"

И оба войска спали, пока не наступило утро, сияя светом и блистая, и солнце не засверкало над верхушками холмов и долинами, и тогда Гариб совершил молитву в два rakata, согласно вере Ибрахима, друга Аллаха – мир с ним! – и написал письмо, которое послал со своим братом Сахимом к нечестивым. И когда Сахим прибыл к ним, они спросили его: "Что ты хочешь?" И он отвечал: "Я хочу вашего повелителя". – "Постой, пока мы не спросим его о тебе", – сказали Сахиму. И он остановился, а нечестивые спросили о нем аль-Джаланда и рассказали ему о по" сланце Гариба. "Ко мне его!" воскликнул царь. И Сахима привели к нему, и тогда царь спросил его: "Кто тебя послал?" И Сахим ответил: "Царь Гариб, которого Аллах сделал властителем над арабами и неарабами. Возьми его письмо и дай на него ответ".

И аль-Джаланд взял письмо, вскрыл его и прочитал в нем: "Во имя Аллаха, милостивого, милосердного, господу извечного, единого, великого, который знает о всякой вещи, господу Нуха, Салиха, Худа и Ибрахима и господу всякой вещи! Мир тем, кто следует правым путем и боится последствий дурного дела, кто повинуется царю всевышнему и следует путем истины и предпочел последнюю жизнь первой! – А после того: – О Джаланд, не должно поклоняться никому, кроме Аллаха, единого, покоряющего, творца ночи и дня и вращающегося небосвода. Он послал пречистых пророков и заставил течь реки, он поднял небеса и распротер землю, он взрастил деревья и наделил птиц в гнездах и зверей в пустынях, он – Аллах – славный, всепрощающий, кроткий, покрывающий, которого не постигают взоры, навивающий ночь на день, который послал посланников и низвел книги. И знай, о Джаланд, что нет веры, кроме веры Ибрахима, друга Аллаха. Прими же ислам спасешься от острого меча, а в последней жизни – от пытки огнем, а если откажешься от ислама, радуйся гибели и земель разрушению и следов твоих прекращению. И пошли ко мне пса Аджиба, чтобы я отомстил за отца и мать".

И когда аль-Джаланд прочитал письмо, он сказал Сахиму: "Скажи твоему господину, что Аджиб убежал со своими людьми и мы не знаем, куда он ушел. А что до Джаланда, то он не откажется от своей веры, и завтра будет между нами бой, и солнце даст нам победу".

И Сахим вернулся к своему брату и осведомил его о том, что случилось, и мусульмане проспали до утра, а потом они взяли доспехи и оружие, сели на чистокровных коней и стали громко поминать царя, дающего победу, творца телес и душ. И они возгласили славословие и забили в боевые барабаны так, что задрожала земля, и выступили вперед все витязи-начальники и отважные богатыри, ища боя, и задрожала земля. И первым, кто открыл врата боя, был аль-Джамракан, и он погнав своего коня на поле битвы и стал играть мечом и стрелами, так что смутил обладателей разума, и потом закричал: "Есть ли мне противник? Есть ли соперник? Пусть не приходит сегодня ко мне ленивый или слабый! Я – убийца аль-Кураджана, сына аль-Джаланда! Кто выступит против меня, чтобы отомстить?"

И когда аль-Джаланд услышал упоминание о своем сыне, он закричал своим людям: "О дети развратниц, приведите ко мне этого витязя, который убил моего сына, чтобы я поел его мяса и попил его крови!" И понеслись на аль-Джамракана сто богатырей, и он убил большинство их и обратил в бегство их эмира, и когда аль-Джаланд увидел, что сделал аль-Джамракан, он закричал на своих людей и воскликнул: "Нападайте на него едиными рядами!" И они взмахнули устрашающим знаменем, и народы покрыли народы, и понесся Гариб со своими людьми, и аль-Джамракан также, и сшиблись оба войска, подобно столкнувшимся морям. И работал йеменский меч с копьем, пока не растерзал груди и тела, и увидели оба войска ангела смерти воочию, и пыль поднялась до облаков, и оглохли уши, и онемел язык, и смерть окружила людей со всех сторон. И твердо стоял храбрец, и не выдерживал трус, и не прекращали воины боя и сражения, пока не повернул, уходя, день. И забили тогда в барабаны окончания, и оставили люди друг друга, и каждый отряд вернулся в свои палатки..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот сорок девятая ночь

Когда же настала шестьсот сорок девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда окончился бой и воины оставили друг друга и каждый отряд вернулся в свои палатки, царь Гариб сел на престол своего царства, в месте своей власти, и его сподвижники выстроились вокруг него, и он сказал своим людям: "Я опечален и огорчен бегством этого пса Аджиба, и не знаю я, куда он пошел. Если я его не настигну и не отомщу ему, я умру от огорчения!" И выступил тогда вперед брат Гариба, Сахим-аль-Лайль, и поцеловал землю и сказал: "О царь, я пойду в лагерь нечестивых и раскрою дело вероломного пса Аджиба". – "Иди и узнай истину о деле этого кабана!" – сказал Гариб. И Сахим принял облик нечестивых и надел их одежду и стал как бы одним из них, а потом он направился к палаткам врагов и увидел, что они спят, пьяные от боя и сражения, и не осталось из них никого без сна, кроме сторожей. И Сахим прошел в лагерь и ринулся к шатру царя и увидел, что тот спит и около него никого нет. И тогда Сахим подошел и дал ему понюхать летучего банджа, и царь сделался как бы мертвый. И Сахим вышел и привел мула и, завернув царя в покрывало с постели, положил его на мула, а сверху накрыл его циновками, и пошел и достиг шатра Гариба. И он вошел к царю, и бывшие в шатре не узнали его и спросили: "Кто ты?" И Сахим засмеялся и открыл лицо, и тогда его узнали. "Что побудило тебя к этому, о Сахим?" – спросил Гариб. И Сахим сказал: "О царь, вот аль-Джаланд ибн Каркар".

И затем он развязал его, и Гариб узнал аль-Джаланда и сказал: "О Сахим, разбуди его!" И Сахим дал аль-Джаланду укуса с ладаном, и тот выбросил из носа бандж и открыл глаза и увидел себя среди мусульман. "Что это за скверный сон?" – сказал он и закрыл глаза и заснул, но Сахим пнул его кулаком и воскликнул: "Открой глаза, о проклятый!" И аль-Джаланд открыл глаза и спросил: "Где я?" И Сахим сказал: "Ты пред царем Гарибом, сыном Кондемира, царя Ирака". И, услышав эти слова, аль-Джаланд воскликнул: "О царь, я под твоей защитой! Узнай, что нет за мною вины, и тот, кто вывел нас сражаться, – твой брат. Он бросил между нами с тобой вражду и убежал". – "А знаешь ли ты, где пролегает его дорога?" – спросил Гариб. И аль-Джаланд ответил: "Нет, клянусь солнцем, обладателем сияний, я не знаю, куда он пошел!" И Гариб велел заковать аль-Джаланда и сторожить его, и все предводители отправились в свои палатки. И аль-Джамракан со своими людьми тоже вернулся и сказал: "О дети моего дяди, я намерен сделать сегодня ночью дело, которым обелю свое лицо перед царем Гарибом". – "Делай что хочешь, мы покорны и послушны твоему приказу", – сказали воины. И аль-Джамракан молвил: "Возьмите оружие, а я буду с вами. И ступайте легко, не давая и муравьям узнать о себе, и рассыптесь вокруг шатров нечестивых, а когда услышите мое славословие, восславьте Аллаха и крикните: "Аллах велик!" Потом отступите, направляясь к воротам города, и мы будем просить поддержки у Аллаха великого".

И воины вооружились полным вооружением и, выждав до полуночи, рассыпались вокруг нечестивых и подождали некоторое время. И вдруг аль-Джамракан ударил мечом по щиту и воскликнул: "Аллах велик!" – так, что долина загудела. И его люди сделали то же самое и закричали: "Аллах велик!" – так, что загудели долина и горы, и пески, и холмы, и все покинутые ставки, и проснулись нечестивые, ошеломленные этим, и бросились друг на друга, и заходил между ними меч. А мусульмане отошли назад и направились к городским

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

воротам и, перебив привратников, вошли в город и овладели им и тем, что в нем было из богатств и женщин.

Вот что случилось с аль-Джамраканом. Что же касается царя Гариба, то, когда он услышал крики: "Аллах велик!" – он сел на коня, и сели все воины до последнего. И Сахим выступил вперед и приблизился к месту стычки. И он увидел, что Бену-Амир и аль-Джамракан совершили набег на нечестивых и напоили их чашею смерти, и вернулся и рассказал своему брату, и Гариб пожелал аль-Джамракану блага. А неверные нападали друг на друга остросрежущими мечами, не жалея усердия, пока не взошел день, озаряя светом страны, и тогда Гариб крикнул людям: "Нападайте, о благородные, и удовлетворите всеведущего царя".

И понеслись чистые на нечистых, и заиграл меч, и разгулялось копьё в груди всех лицемеров из нечестивых, и они захотели войти в город, но вышел к ним аль-Джамракан и его родичи, и грудь с грудью встретились они между горами, окружавшими их, и перебили людей бесчисленных, а остальные рассеялись в степях и пустынях..."

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до шестисот пятидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до шестисот пятидесяти, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда войска мусульман напали на нечестивых, они растерзали их остросрежущим мечом, и неверные рассеялись по степям и пустыням, и мусульмане до тех пор преследовали их с мечом, пока они не рассыпались по долинам и кручам. А затем мусульмане вернулись в город Оман, и царь Гариб вошел во дворец аль-Джаланда и сел на престол его царства, и его сподвижники окружили его, стоя справа и слева. И он позвал аль-Джаланда, и к нему поспешили и привели его пред лицо царя Гариба, и тот предложил ему принять ислам, но аль-Джаланд отказался, и Гариб приказал распять его на воротах города, а потом в него бросали стрелы, пока он не стал точно еж. А затем Гариб наградил аль-Джамракана и сказал ему: "Ты – правитель города и повелитель его и властен в нем вязать и разрешать: ты ведь завоевал его своим мечом и людьми".

И аль-Джамракан поцеловал ногу Гариба и поблагодарил его и пожелал ему вечной победы, величия и счастья" а потом Гариб открыл казну и посмотрел, какие там богатства, и после этого он роздал деньги предводителям и мужьям – обладателям знамен и бойцам, и наделил женщин и детей, и раздавал деньги десять дней.

И после этого, однажды ночью, он спал и увидел во сне устрашающее видение и проснулся, испуганный и боящийся. И он разбудил своего брата Сахима и сказал ему: "Я видел во сне, что мы в долине и что эта долина место обширное. И ринулись на нас две хищные птицы, больше которых я не видел в жизни, и ноги у них подобны копьям. И они бросились на нас, и мы их испугались. Вот что я видел".

И когда Сахим услышал эти слова, он сказал: "О царь, это – великий враг; охраняй себя от него".

И Гариб не спал остальную ночь, а когда наступило утро, он потребовал своего коня и сел, а Сахим спросил его: "Куда ты едешь, о брат мой?" И Гариб ответил: "Сегодня утром у меня стеснилась грудь, и я хочу проехать десять дней, чтобы моя грудь расправилась". – "Возьми с собой тысячу богатырей", – сказал ему Сахим. Но Гариб воскликнул: "Поеду только я и ты – никто больше!"

И тогда Гариб и Сахим сели на коней и поехали, направляясь к долинам и лугам, и они ехали от долины к долине и от луга к лугу, пока не проехали мимо одной долины, где было много деревьев, плодов и рек, где благоухали цветы, и птицы на ветвях пели на разные напевы, и соловей повторял свои колена приятным голосом, а горлинка наполняла местность пением, и звуки соловья пробуждали дремлющего, и дрозд пел как человек, вяхирю и голубю отвечал ясным голосом попугай. И было среди древесных плодов каждого съедобного плода по паре. И понравилась юношам эта долина, и они поели ее плодов и напились из ее каналов и присели под тенью деревьев.

И одолела их дремота, и они заснули – слава тому, кто не спит! И пока они спали, вдруг низринулись на них два могучих марида, и каждый из них положил одного человека себе на плечо, и они поднимались по воздуху ввысь, пока не оказались над облаками. И Сахим с Гарибом проснулись и увидели себя между небом и землей, и они посмотрели, кто их несет, и вдруг видят: это – два марида, и у одного из них голова, как у пса, а у другого, как у обезьяны, и он подобен пальме. И волосы у обоих, как конский хвост, и когти, как у льва. И когда Гариб и Сахим увидели эти обстоятельства, они воскликнули: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха!"

Причиной всего этого было то, что у одного царя из царей джиннов по имени Муриш был сын по имени Саик, и он любил девушку из джиннов по имени Наджда. И Саик с Надждой встречались в этой долине в облике птиц. Гариб с Сахимом увидели Сайка и Наджду и подумали, что это птицы, и бросили в них стрелу. И стрела попала только в Сайка, и у него потекла кровь, а Наджда опечалилась о Сайке и схватила его и полетела, боясь, что ее поразит то же, что поразило Сайка, и летела с ним до тех пор пока не бросила его у дверей дворца его отца. И привратники подняли Сайка и бросили его перед отцом, и когда Муриш посмотрел на своего сына и увидел стрелу у него в ребре, он воскликнул: "Увы, мой сын! Кто сделал с тобою это дело, я разрушу его страну и ускорю его гибель, хотя бы это был величайший из царей джиннов!"

И тогда Саик открыл глаза и молвил: "О батюшка, убил меня не кто иной, как человек из Долины Ручьев". И не кончил он еще говорить, как его дух поднялся, а отец стал так бить себя по лицу, что у него изо рта показалась кровь, и он кликнул двух маридов и сказал им: "Отправляйтесь в Долину Ручьев и принесите мне всех, кто там есть!" И мариды полетели и достигли Долины Ручьев и, увидев Гариба и Сахима, которые спали, схватили их и понесли, и доставили к Муришу.

И когда Сахим и Гариб пробудились от сна, они увидели себя между небом и землей и воскликнули: "Нет, мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!.."

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот пятьдесят первая ночь

Когда же настала шестьсот пятьдесят первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что марида схватили Гариба и Сахима и принесли их к Муришу, царю джиннов, и когда их поставили перед Муришем, они нашли его сидящим на престоле своего царства, и был он подобен высокой горе, и на его теле было четыре головы: голова льва, голова слона, голова пантеры и голова барса. И марида поставили Гариба и Сахима перед Муришем и сказали: "О царь, вот те, кого мы нашли в Долине Ручьев". И царь посмотрел на них глазами гнева и стал хрипеть и храпеть, и из носа его полетели искры, и испугались его все, кто присутствовал. "О собаки из людей, вы убили мое дитя и зажгли огонь в моей печени!" – воскликнул он. И Гариб молвил: – "А кто это твое дитя, которое мы убили, и кто видел твое дитя?" – "Разве не вы были в Долине Ручьев и не увидели моего сына в облике птицы и не бросили в него деревянную стрелу и он не умер?" воскликнул царь. И Гариб сказал: "Я не знаю, кто убил птицу! Клянусь великим господом, единственным, извечным, который знает о всякой вещи, клянусь другом Аллаха Ибрахимом, мы не видели птицы и не убили ни зверя, ни птицы!"

И когда Муриш услышал слова Гариба, который клялся Аллахом и его величием и пророком и другом его Ибрахимом, он понял, что Гариб – мусульманин. А Муриш поклонялся огню, вместо всевластного владыки, и он закричал своим людям и крикнул: "Принесите мне моего владыку!" И ему принесли печь из золота и поставили ее перед ним и зажгли в ней огонь и бросили в печь зелья, и поднялось из печи пламя зеленое, пламя синее и пламя желтое. И распростерся перед ним царь и все присутствующие, а Гариб и Сахим при всем этом возвещали единственность Аллаха великого и возвеличивали его и свидетельствовали, что Аллах властен во всякой вещи. И царь поднял голову и увидел, что Гариб и Сахим стоят и не пали ниц, и воскликнул: "О собаки, что это вы не падаете ниц?" И тогда Гариб вскричал: "О проклятые, падают ниц только перед владыкой, которому поклоняются, выводящему все сущее из небытия в бытие, извлекающему воду из твердой скалы, который внушает родителю нежность к новорожденному, которому не приписывают ни стояния, ни сидения, господу Нуха, Салиха, Худа и Ибрахима, друга Аллаха. Он – тот, кто создал рай и огонь и создал деревья и плоды, он – Аллах, единый, покоряющий".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И когда Муриш услышал эти слова, его глаза закатились под темя, и он крикнул своим людям: "Скрутите этих собак и принесите их в жертву моему владыке!" И Сахима с Гарибом скрутили и хотели бросить в огонь, и вдруг одна из бойниц дворца упала на печь, и она сломалась, и огонь потух и превратился в пепел, летающий по воздуху. И Гариб воскликнул: "Аллах велик! Он дал победу и поддержку и покинул тех, кто не верует! Аллах превыше тех, кто поклоняется огню, вместо всевластного владыки!" И тогда царь вскричал: "Ты – колдун и околдовал моего владыку, так что с ним случилось такое дело". – "О бесноватый, – сказал Гариб, – если бы у огня была тайна и доказательство, он бы защитил себя от того, что для него бедственно".

И царь, услышав его слова, зарычал и забушевал и стал ругать огонь и воскликнул: "Клянусь моей верой, я убью вас не иначе, как в нем!" И он приказал заточить Гариба и Сахима и, призвав сто маринов, велел им принести много дров и зажечь их огнем, и марины сделали это, и запылал великий огонь, который горел до утра.

А затем Муриш сел на слона, находясь на золотом престоле, украшенном драгоценными камнями, и окружили его племена джиннов (а их много разных родов) и привели Гариба и Сахима, и когда юноши увидели пламя огня, они воззвали о помощи к единому, покоряющему, творцу ночи и дня, великому саном, которого не постигают взоры, а он постигает взоры, и он есть милостивый, пресведущий, и все время искали его защиты. И вдруг поднялось облако с запада до востока и пролилось дождем, как переполненное море, и погасило огонь. И испугались царь и его воины и вошли во дворец, и затем царь обратился к везирю и вельможам царства и спросил их: "Что вы скажете об этих людях?" И они сказали: "О царь, если бы они не стояли на истине, с огнем не случилось бы того, что случилось. Мы говорим, что они стоят на пути истины и правды. – "Стала и мне видна истина и явный путь, и поклонение огню – ложно! – воскликнул царь. – Если бы это был владыка, он бы наверное защитил себя от дождя, который его погасил, и от камней, которые сломали его печь, так что он превратился в пепел. Я уверовал в того, что создал огонь, и свет, и тень, и жар. А вы что скажете?" – "О царь, мы также следуем тебе, послушные и покорные", – сказали вельможи, и царь призвал Гариба. И когда его привели, он поднялся и обнял его и поцеловал меж глаз и так же поцеловал Сахима. И воины столпились около Гариба и Сахима, целуя им руки и головы..."

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.